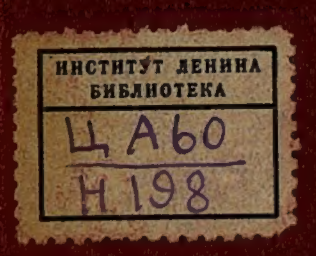
Надежды
Царскаго Самовластія
Россіи

Изданіе революціонно-соціалистической группы «СВОБОДА».

Надеждин, Л.

ЦАРСКОЕ САМОВЛАСТІЕ

въ Россіи.

[Изъ № 1-го „СВОБОДЫ"].

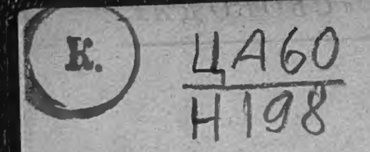
...Тамъ трупы погибшихъ повсюду лежатъ,
И хищныя птицы летаютъ,
И высятся тюрьмы, и цѣпи звенятъ,
И стоны рабовъ не смолкаютъ...

„Кто раньше всталъ, тотъ громко пой свободу,
Чтобъ дрогнуло ликующее зло!"

Цѣна 20 сант.

1903.
Типографія „Свободы".

ИЗДАНІЯ

революціонно - соціалистической группы „СВОБОДА“.

---

1) „Свобода“, журналъ для рабочихъ № 1.
2) „Свобода“ „ „ „ № 2.
3) „Отклики“, газета - журналъ № 1.
4) Приложеніе къ № 1 „Откликовъ“.
5) Евреи ли наши враги? (отд. отт. изъ № 2 „Свободы“).
6) Рабочіе и интеллигенція, (отд. отт. изъ прилож. къ „Откликамъ“ № 1.
7) Изъ современной жизни (Тихорѣцкій погромъ и Отъ розги къ желтому билету).
8) Возрожденіе революціонизма въ Россіи, брош.
9) Канунъ революціи, № 1.
10) Положеніе винуждаетъ? брош.
11) О либерализмѣ вообще и о дебютахъ гг. Струве въ частности, брош.

ЦАРСКОЕ САМОВЛАСТІЕ ВЪ РОССІИ.

(Изъ № 1-го «Свободы»).

Какъ то разъ мнѣ пришлось разговаривать съ однимъ прокуроромъ. Онъ очень любилъ толковать о законахъ и о томъ, какъ хорошо живется въ Россіи, благодаря этимъ законамъ. Въ умиленіи онъ закатывалъ глаза къ небу и съ большимъ удовольствіемъ прислушивался къ своей собственной рѣчи, которая катилась ровно и безъ всякаго скрипа, какъ колесо только что смазанной дегтемъ телѣги.

— Не понимаю, совершенно не понимаю — что вамъ надо, господа-„политическіе" ?! Вамъ все бунтовать бы... Образованные люди, а подстрекаете толпу къ мятежамъ, какъ Стенька Разинъ какой или Пугачевъ... Стыдъ и срамъ! Если вы хотите, чтобы жизнь улучшилась — коли она, по вашему, плоха — то вы дѣйствуйте по законамъ, устраивайте все посредствомъ ихъ и съ помощью ихъ... Да-съ, вотъ и французская пословица есть: „законъ — это моя сила"!...

— Но, вѣдь, прежде всего у насъ нѣтъ законовъ, г. прокуроръ!

— Нѣтъ законовъ?! — и сытое, лоснящееся лицо прокурора изобразило собой какую то смѣсь святого негодованія, величайшаго ужаса и неописуемаго удивленія. Не говоря ни слова, онъ подвелъ меня къ громадному рѣзному шкафу съ стеклянными дверцами и ткнулъ пальцемъ въ этотъ шкафъ:

— Смотрите!

Я смотрѣлъ и видѣлъ сотни толстѣйшихъ книгъ, сверху до низу наполнявшихъ шкафъ. Тутъ было по меньшей мѣрѣ добрыхъ шесть пудовъ печатной бумаги. Я читалъ надписи на корешкахъ книгъ и видѣлъ, что здѣсь есть „о священныхъ правахъ и преимуществахъ

верховной самодержавной власти, " что здѣсь есть„ учрежденіе объ императорской фамиліи", уставы о службѣ гражданской, о чинахъ, пенсіяхъ, орденахъ, о разныхъ повинностяхъ и доходахъ государственныхъ, о дворянахъ, мѣщанахъ, купцахъ, мужикахъ, о собственности и наслѣдствѣ, о векселяхъ и банкротствѣ, о духовенствѣ разныхъ исповѣданій, уставы строительные, пожарные, врачебные, почтовые и телеграфные, уставы о цензурѣ, о паспортахъ, громадные томы о наказаніяхъ за всякія преступленія, о судахъ, которымъ подлежатъ эти преступленія и т. д.. Цѣлые часы надо разсматривать только одни указанія того, что есть въ этихъ сотняхъ книгъ — и то всего не разсмотришь.

Прокуроръ торжествовалъ.

— Вы говорите нѣтъ законовъ! А это что же такое по вашему? — и онъ измѣрилъ меня убійственнымъ взглядомъ

— Но, г. прокуроръ, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, въ сумашедшемъ домѣ попадаются больные, одержимые зудомъ писательства. Дайте имъ перо и бумагу— они напишутъ вамъ еще больше, чѣмъ въ этихъ сотняхъ книгъ. Зачѣмъ вы мнѣ показываете горы печатной бумаги — не лучше ли поговорить о томъ, *что* напечатано на ней?

— Говори не говори съ вами, все равно толка не будетъ! — съ досадой махнулъ прокуроръ рукой, и мы не кончили съ нимъ разговора о законахъ. Да съ прокуроромъ его никакъ и не кончить — сколько ему ни будете доказывать, что законы плохи и почему они плохи, онъ все будетъ отвѣчать свое:

— Законы святы, и всякій посягающій на нихъ — преступникъ!

Этихъ „святыхъ" законовъ у насъ, дѣйствительно, много: кто то высчиталъ, что въ царствованіе Александра III каждый день выходило въ среднемъ по три съ половиной закона. Вѣдь, это ужасъ что такое: одинъ Александръ III со своей чиновной братьей выпустилъ больше 16 тысячъ законовъ! Послѣ этого, конечно, не скажешь, что ихъ нѣтъ — но каковы они?

Въ первыхъ же строкахъ законовъ напечатано, что „Императоръ Всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти

не токмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ", и никто изъ россіянъ не смѣетъ говорить что либо противъ „неприкосновенности Верховной Власти"; никто не смѣетъ порицать дѣйствія царя, ибо онъ, какъ выражался еще Петръ I — „есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отчета дать не долженъ", ибо онъ — какъ говорилъ еще Иванъ Грозный — царь „по божьему изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнью" и потому правитъ Русью, какъ ему хочется, а не какъ повелятъ „работные" (подданные).

И такъ о царской власти по законамъ даже и разсуждать нельзя. Почему же? Мы понимаемъ, что намъ не къ чему толковать о томъ, зачѣмъ у человѣка два глаза, а не четыре и нѣтъ крыльевъ для летанья—можетъ быть, и хорошо было бы, еслибы мы могли летать, какъ птицы—но это не въ нашей власти, не къ чему и говорить, значитъ. Но царская власть—почему о ней не говорить? Если она хороша — ея не убудетъ отъ нашихъ словъ; если же она плоха, несмотря на всѣ увѣренія законовъ, — мы должны подумать, какъ улучшить наше управленіе; вѣдь, мы же люди, а человѣку свойственно стремиться къ лучшему,

Почему царь непогрѣшимъ? Онъ, — говорятъ намъ — поставленъ на престолъ богомъ небеснымъ. Мы, положимъ, знаемъ другое. Мы знаемъ, что царь Борисъ Годуновъ избранъ дворянствомъ и разными народными отбросами, благодаря подкупамъ; что Михаилъ Романовъ избранъ боярами; что разными придворными чинами посажена на престолъ Анна Ивановна; что императрица Елисавета и Екатерина II сами посредствомъ солдатской силы возвели себя на престолъ, отправивъ на тотъ свѣтъ своихъ предшественниковъ; что... но пусть будетъ такъ: пусть русскіе цари ставятся богомъ на престолъ. Но, вѣдь, тому же богу небесному приписываютъ созданіе и чумы, и холеры, и множества всякихъ другихъ бѣдствій. Развѣ оттого, что они приписываются богу кто-нибудь говоритъ, что они хороши и что противъ нихъ не надо никакихъ мѣръ принимать?

Россійскій царь — это земной богъ. Но посмотримъ, развѣ онъ обладаетъ всѣми тѣми совершенствами, какими у насъ привыкли надѣлять бога небеснаго?!

Про Владыку Всевышняго говорятъ, что онъ Высочайшій Разумъ. А Владыка Всероссійскій, какъ показываетъ намъ исторія разныхъ нашихъ царей, можетъ даже совершенно не обладать разумомъ. Иногда это отъ него и требуется: „Выберемъ Мишу Романова: онъ еще молодъ и *глупъ*“ — писалъ одинъ бояринъ другому при избраніи на царство Михаила Федоровича, родоначальника Романовыхъ. Такимъ образомъ, глупость поставлена въ особое достоинство богу земному. — А царь Федоръ Ивановичъ? Онъ самъ о себѣ говорилъ: „какой я царь?! Меня во всѣхъ дѣлахъ и съ толку сбить, и обмануть нетрудно.“ И, между тѣмъ, онъ все же царствовалъ, считая вмѣстѣ со своими подданными, что „видно богу было угодно, чтобы не мудрый царь сѣлъ на Руси“. И еще какъ царствовалъ! При немъ закрѣпостили въ рабство помѣщикамъ чуть ли не всю Россію; при немъ бояре-хищники растащили по своимъ амбарамъ и народное имущество, и казну государеву; при немъ одинъ сильный и властный родъ казнилъ и губилъ своихъ недруговъ изъ другого рода и губилъ ихъ такъ, что паны дрались, а у хлопцевъ — у народа — чубы трещали... И такъ шли годы за годами, царь все хлопалъ печаткой по бумагамъ, которыя ему подносили царедворцы, и хлопалъ до той поры, пока за нимъ самимъ не хлопнула гробовая крышка... А императоръ Павелъ Петровичъ? Это былъ несчастный помѣшанный человѣкъ, который несомнѣнно былъ бы помѣщенъ въ домъ сумасшедшихъ, если бы судьба его не опредѣлила на россійскій престолъ. Здѣсь онъ могъ самымъ исправнѣйшимъ образомъ отправлять свое ремесло. При немъ роздано вельможамъ, любимцамъ и любимицамъ всякимъ до 3 милліоновъ крестьянъ въ рабство; при немъ были запороты на смерть цѣлыя деревни за „бунты“; при немъ предпринимались войны за возстановленіе правъ силой русскаго оружія и цѣной русской крови тѣхъ иностранныхъ монарховъ, которые были изгнаны прочь своими возмутившимися народами; при немъ задумывались походы въ Индостаны и вообще въ такія государства, о которыхъ никто не зналъ толкомъ, гдѣ находятся они, и зачѣмъ понадобилось воевать съ ними... Онъ сшилъ себѣ архіерейскую ризу, какъ говорятъ, и собирался въ ней служить обѣдню; онъ издавалъ приказы, чтобы съ

8 часовъ вечера весь Петербургъ спалъ, и всюду были потушены огни; онъ запрещалъ ввозъ въ Россію иностранныхъ книгъ, за исключеніемъ написанныхъ на тунгузскомъ языкѣ, на которомъ и книгъ то нѣтъ никакихъ, и котораго никто въ Россіи не знаетъ... И самымъ благополучнымъ образомъ царствовалъ этотъ несчастный больной втеченіе четырехъ лѣтъ, пока не былъ удушенъ въ собственномъ дворцѣ руками собственныхъ придворныхъ и, какъ кажется, съ согласія собственнаго сына, Александра I „Благословеннаго"...

Такимъ образомъ, земной богъ — это не Премудрость; онъ можетъ быть даже и Безуміемъ. По россійскимъ законамъ, престолъ можетъ занимать и глухонѣмой, и слѣпорожденный, и сумасшедшій — конечно, въ томъ случаѣ, если онъ сумѣетъ „папу съ мамой" выговорить и не начнетъ умываться щами вмѣсто воды. Затѣмъ, по россійскимъ законамъ императоръ считается совершеннолѣтнимъ съ 16 лѣтъ. Обыкновенно про мальчиковъ этого возраста говорятъ, что у нихъ на губахъ молоко не обсохло и въ особенно строгихъ семьяхъ на нихъ прикрикиваютъ: ѣшь, не разговаривай! А императоръ Петръ II царствовалъ, когда ему было даже меньше, чѣмъ 15 лѣтъ, и транжирилъ народное достояніе, щедро раздавая его своимъ любимцамъ и товарищамъ по разврату, (этотъ пятнадцатилѣтній мальчикъ былъ на рѣдкость развратенъ)... Что же такое въ самомъ дѣлѣ Россія? Неужели этой громадной страной въ 130 милліоновъ населенія можетъ прекрасно управить глухонѣмой, сумасшедшій мальчуганъ, еле выросшій изъ короткихъ штанишекъ—и при томъ такъ прекрасно, безъ всякихъ погрѣшностей управить, что мы 130 милліоновъ, не смѣемъ даже подумать, что въ этомъ управленіи есть хоть немножечко плохого и указать это плохое!

Про Бога небеснаго говорятъ, что онъ—величайшая Благость и Справедливость. Богъ земной, всероссійскій можетъ быть даже извергомъ, — хуже того: можетъ быть даже Иваномъ Грознымъ. И каковъ бы онъ ни былъ, Россія то съ большей, то съ меньшей покорностью снесетъ его гнетъ и лишь „отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ сыновьямъ" перейдетъ мрачное сказаніе о томъ, что рѣка Волховъ въ Новгородѣ около озера Ильменя не можетъ и доселѣ земерзнуть, ибо въ ней торчмя стоятъ

трупы жертвъ, замученныхъ кровопійцей-царемъ и брошенныхъ сюда. Мы даже — какъ говорятъ намъ — и должны сносить все царское поведеніе безропотно: коли онъ извергъ — это, значитъ, „бичъ гнѣва небеснаго“, какъ выражался царскій ученый лакей Карамзинъ, и посланъ онъ намъ въ наказаніе за наши грѣхи... Какіе грѣхи—неизвѣстно, но, видно, они есть, и потому смирись, человѣче, и кайся, когда Иваны Грозные превращаютъ жизнь въ поле, усѣянное мертвыми костями, когда Алексѣи Тишайшіе (второй изъ Романовыхъ) огнемъ и мечемъ усмиряютъ всю Россію, поднявшуюся на помѣщиковъ, когда Екатерина проливаетъ рѣки мужицкой крови по всему своему громадному царству, подавляя тѣ же „мятежи“, когда императоръ Николай I приказываетъ одному полку палить въ другой и въ безоружную толпу, ибо это опять „мятежники“, когда его правнукъ Николай II опять усмиряетъ „бунтовщиковъ“ на площадяхъ и на улицахъ, — смирись, человѣче! проникнись благоговѣніемъ, мятежникъ! Это не злодѣянія, это все знаменія гнѣва небеснаго на твою голову окаянную, это все для твоего блага, для той огромной Федорушки, которая именуется Россіей:

Отдаю юстицію
Подъ надзоръ въ полицію,
Обрываю армію,
Завожу жандармію!

— На кого же, матушка, на кого жъ, Федорушка,
Рать тебѣ татарская,
Силища жандармская?

— На себя, родименькій, на себя, невпорушка,
Чтобы я приникнула,
Чтобы я не пикнула,
Чтобъ не ныла жалобой,
Чтобъ „ура!“ кричала бы...

Съ этой, и только съ этой цѣлью усмиряются голодные бунты солдатской ратью, стачки рабочихъ—военной силой... Неужели же вся эта жестокость лучше краснаго солнца, ибо и на немъ есть пятна и о нихъ можно говорить и писать, а о царскихъ жестокостяхъ надо молчать?!

Про Бога небеснаго намъ говорятъ, что это сама добродѣтель; богъ земной — онъ можетъ быть хоть бы и

собраніемъ всѣхъ пороковъ вмѣстѣ. На Руси бывали такія времена, что цари, царицы, вся дворня ихняя пьянствовали и развратничали безъ просыпа и безъ отдыха. Дѣлами государственными имъ некогда было заниматься; они зѣвали при одномъ упоминаніи о дѣлахъ. Иностранные посланники просили отозвать ихъ изъ Россіи, потому что имъ здѣсь дѣлать нечего — здѣсь нѣтъ мало-мальски трезвыхъ людей, писали они своимъ государямъ. Почему же это развратный, пьяный человѣкъ можетъ управлять Россіей такъ хорошо, что у насъ не должно быть сомнѣній въ томъ, что лучшаго и не придумать? Или на днѣ штофа съ водкой находится истина и справедливость?

Про Бога небеснаго... но довольно сравнивать боговъ. Довольно и этого. Исторія намъ говоритъ, что между русскими царями были всякіе люди — и умные, и глупые, и добрые, и жестокіе, и здоровые, и больные, и добродѣтельные, и развратные и, что худыхъ было гораздо больше, чѣмъ хорошихъ. Но предположимъ на минутку, что у насъ не было царей съ недостатками и пороками, а все были лишь съ одними достоинствами и добродѣтелями. Неужели даже въ этомъ случаѣ они непогрѣшимы? Неужели императрица Екатерина была права, когда она говорила, что громадные размѣры нашего государства требуютъ самодержавной власти и что „всякое другое правленіе въ Россіи было бы не только вредно, но и въ конецъ раззорительно“? Ну, пусть что ни царь — то мудрецъ, но развѣ онъ, одинъ человѣкъ, хотя бы онъ былъ семи пядей во лбу, — можетъ знать во всѣхъ тонкостяхъ всѣ нужды цѣлой Россіи, каждаго ея уголка? Вѣдь, всюду кипитъ совершенно разная жизнь, на сѣверѣ Россіи иныя потребности, чѣмъ на югѣ, у рабочаго земледѣльческаго не тѣ, что у рабочаго промышленнаго и т. д. Откуда все это можетъ быть извѣстно царю? Неужели у него такой взоръ, что прожигаетъ собой всю землю и видитъ вглубь ея на три аршина?

Но — скажутъ — у царей есть помощники: министры, сенаторы, члены государственнаго совѣта, губернаторы и т. д. А! Въ такомъ случаѣ царь, значитъ, не самъ правитъ Россіей! Если онъ даже и необычайно уменъ, и свыше всякой мѣры добродѣтеленъ и справедливъ,— ему все же приходится полагаться на тѣ доклады, кото-

рые ему дѣлаютъ министры, сенаторы, и т. д. А вдругъ эти доклады невѣрны и плохи — каковы тогда будутъ рѣшенія умнѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго царя?! Вѣдь, онъ оказывается въ положеніи вѣялки, которая сама не знаетъ, что вѣетъ — подсунутъ хорошій хлѣбъ — такъ хорошій, дурной — такъ дурной... О министрахъ, какъ и о царѣ, мы тоже не имѣемъ права судить — вообще мы не можемъ разсуждать ни о какихъ властяхъ. А, между тѣмъ, какъ оказывается, министры бываютъ всякіе. Бывали среди нихъ такіе, что самъ царь долженъ былъ признать ихъ ворами — еще бы: даже желѣзнодорожные шпалы таскаютъ, даже бриллiанты съ иконъ выкусываютъ, лобызая „святые лики“! Но если министръ признанъ воромъ — это значитъ, что дѣло зашло уже слишкомъ далеко, что онъ не просто воръ, а всѣмъ ворамъ воръ. До той же поры пока въ немъ не обнаружится такое блестящее качество—онъ святъ и непогрѣшимъ, не пойманъ — не воръ!

А кто его поймаетъ? кто его станетъ ловить? Мы, 130 милліоновъ, еслибы и видѣли что, должны молчать, ибо кто много видитъ — тотъ много страдаетъ; а тамъ, на верхахъ, — тамъ рука руку моетъ, тамъ знаютъ одно: воруй-воруй, но не заворовывайся!

Неужели все это прекрасно и только при такихъ порядкахъ не сгибнетъ Россія? — Велика она, говорятъ, и потому ей надо самодержавіе, т. е. царь съ неограниченной властью и съ помощниками изъ разныхъ чиновниковъ. Соберутся по своимъ канцеляріямъ „помощники“ произведутъ высчеты, сколько брать налоговъ, обсудятъ какіе издавать законы, рѣшатъ что хорошо и плохо, царь утвердитъ, — и плохое стало хорошимъ и — мы непремѣнно его должны признавать хорошимъ. Мы не смѣемъ сказать, что оно никуда ни годно для насъ. Помилуйте, министръ нашелъ хорошимъ, царь припечаталъ—чего же еще!

Но кто же будетъ править государствомъ, какъ не министры и губернаторы? — удивится не одинъ и не два, а много россіянъ. — Ужъ не рабочій ли изъ-подъ Норска и мужикъ изъ Вятки? Что они могутъ рѣшать въ такихъ сложныхъ дѣлахъ, какъ управленіе государствомъ?! Это хитраго ума дѣло!

Да, управленіе государствомъ—вещь очень сложная и очень трудная. Къ этому то мы и клонимъ свою рѣчь. Какъ можно было такъ упростить эту сложную вещь, какъ упрощена она у насъ?

Мужикъ голодаетъ. Дѣло государственнаго управленія устроить такъ, чтобы были уничтожены причины голода, поскольку это зависитъ отъ правительственной власти. А наше правительство — оно какъ рѣшаетъ этотъ сложный вопросъ? Во первыхъ, возьметъ и назоветъ голодъ недородомъ (даже „недородомъ хлѣбныхъ произведеній", какъ выразился Александръ III когда то, забывъ отъ великаго обилія заботъ, что хлѣбныя произведенія бываютъ въ булочной, а не на полѣ); обзоветъ недородомъ и съ торжествующимъ видомъ глядитъ кругомъ— вотъ, молъ, мы какую штуку измыслили, теперь намъ самъ чортъ не братъ! Затѣмъ прикажетъ голодающимъ молчать — терпи, казакъ, атаманомъ не будешь! — запретитъ толковать всюду о голодѣ, дастъ на всю голодную братью нѣсколько коробовъ хлѣба, съ которыми не случится такого же чуда, какъ съ евангельскими пятью хлѣбами и двумя рыбами... Вотъ и все! Сложно ли это? Уменьшился ли отъ этого голодъ? Не станетъ ли мужикъ на слѣдующій годъ вновь и притомъ еще больше голодать?

Или возмите безработицу, съ каждымъ годомъ все учащающуюся. „Выдать тысячамъ, разсчитаннымъ на югѣ, даровые билеты на родину — да голодаетъ всякій тамъ, гдѣ его мать родила!" И больше ничего. Недавно екатеринославскій губернаторъ собралъ совѣщаніе разныхъ тузовъ на югѣ и сообщилъ имъ, что государь, проѣзжая въ Крымъ или изъ Крыма — не помню — изволилъ высказать, что въ промышленности не кризисъ, а заминка...

Совѣщаніе послушало и должно было сказать:

— Точно такъ! Заминка!

Не спорить же съ Его Величествомъ! А рабочему развѣ не все равно „заминкой" назвать или „кризисомъ" —развѣ отъ этого онъ станетъ меньше голодать, не находя себѣ работы?

И такъ же просто, какъ эти два вопроса, рѣшаются и всѣ остальные. Молчи! Не разговаривай! выдрать его! въ колодки негодяя! выслать для усмиренія роту солдатъ! запретить! въ острогъ на высидку!

Да, это не мудрено! Чего ужъ проще? Но мы то и не хотимъ такой простоты! Мы никакъ не можемъ вѣрить тому,что при этой простотѣ спасается Россія, а при другомъ правленіи сгибнетъ. Какъ намъ вѣрить, когда императрица Екатерина сама признавала, что государство превратилось въ какое то „кожедирательство“, какъ говорила она? Какъ намъ вѣрить, когда императоры Николай I и Александръ II должны были сознаваться, что кругомъ нихъ одно только воровство и грабежъ? Какъ намъ вѣрить, когда высчитано, что въ началѣ царствованія Александра III каждый россіянинъ (въ среднемъ, конечно) потреблялъ разныхъ предметовъ промышленности на 18 р. 28 к. въ годъ, а къ концу царствованія (черезъ 10 лѣтъ) онъ уже пообѣднѣлъ и сталъ потреблять на 17 р. 40 коп.? Какъ мы можемъ вѣрить, что царское правленіе самое лучшее, когда намъ извѣстно. что Россіей цѣлые длинные годы правили конюхи (Биронъ, при царицѣ Аннѣ), правили любовники государынь и ни для кого не было тайной, что они норовили себѣ въ карманъ ухватить возможно больше, въ чемъ и заключалось ихъ правленіе? Или вотъ: англійскій министръ получилъ письмо врача, осматривавшаго императора Николая I за два года до его смерти и рѣшившаго послѣ осмотра, что царю осталось не долго жить, ибо его мозгъ разрушается болѣзнью, унаслѣдованной отъ сумашедшаго отца Павла I; прочтя это письмо, министръ сказалъ: „жаль, что мы раньше этого не приняли во вниманіе! надо было какъ нибудь уладить дѣла и не было бы, можетъ быть, крымской войны“... Когда мы узнаемъ это, что мы должны подумать? Ужъ не то ли, что все хорошо въ Россіи, — а можетъ быть что нибудь и иное? Можетъ быть, намъ должно сдѣлаться жутко за родину, гдѣ одинъ человѣкъ въ не совсѣмъ здравомъ умѣ, человѣкъ, котораго вотъ-вотъ разобьетъ параличъ, распоряжается милліонами, раззоряетъ ихъ, вовлекаетъ въ войны?! И это правленіе не въ конецъ раззорительно! А что же тогда назвать въ конецъ раззорительнымъ?

Намъ говорятъ часто, что народъ привыкъ къ самодержавной власти, что другой власти онъ и понять не можетъ! Что и толковать! Я самъ видѣлъ мордву Казанской губерніи, которая ѣстъ тухлую рыбу даже тогда, когда есть возможность питаться свѣжей. При-

вычка ужъ образовалась къ тухлятинѣ!... А развѣ не было у многихъ привычки къ крѣпостному праву, къ розгѣ, къ побоямъ ежечаснымъ? И теперь еще сколько угодно такихъ привычекъ! Но неужели отъ нихъ мы такъ-таки никогда и не отвыкнемъ?!

Намъ давно уже пора отвыкнуть отъ самодержавія. При немъ пишутся законы, но съ перваго же слова сказано, что эти законы когда угодно и какъ угодно могутъ измѣняться царской волей. Чтожъ это за законы такіе, про которые, ложась вечеромъ, не знаешь, что съ ними станется утромъ!

Да и при томъ посмотрите, чѣмъ наполнены эти сотни книжищъ законовъ! Нѣтъ, лучше посмотрите не чѣмъ онѣ наполнены, а чѣмъ онѣ *не* наполнены.

Въ нихъ нѣтъ ни слова о томъ, что на Руси есть граждане. Законъ знаетъ лишь подданныхъ, но не гражданъ.

Гражданинъ — это членъ государства, могущій думать объ улучшеніи этого государства и дѣйствовать согласно съ своими думами для блага своего и своихъ соотечественниковъ, живущихъ теперь и тѣхъ, которые будутъ жить потомъ.

Зачѣмъ существуетъ государство? Затѣмъ, чтобы я чтобы мы всѣ, чтобы вся страна, жили хорошо и удобно. Мы готовы платить подати и повинности, мы готовы подчиняться разнымъ законамъ, но будемъ дѣлать это именно въ нашихъ выгодахъ и удобствахъ. Если государство не приноситъ мнѣ пользы, то зачѣмъ я буду тратиться на него? Штыками меня можно покорить, но развѣ отъ этого несправедливость станетъ справедливостью? Вонъ когда то въ Англіи за неплатежъ одного беззаконнаго налога рѣзали уши, но развѣ отъ этого налогъ сталъ правильнымъ?

Я къ государству и могу, и долженъ обращаться такимъ образомъ:

— Ты хочешь, чтобы я платилъ тебѣ и повиновался, но что ты даешь мнѣ взамѣнъ этого? Позволь мнѣ обсудить это. По русскимъ законамъ я не смѣю разсчитать, правильно ты съ меня берешь подати или нѣтъ. Но я долженъ же разсчитать это! Я плачу свои кровныя деньги. Ты говоришь мнѣ, что тебѣ ежегодно надо 2 милліарда рублей. Куда они идутъ? Большая

ихъ часть тратится на войско. По твоему это хорошо, но по моему плохо. Тебѣ войско надо, чтобы воевать съ Китаемъ, но отъ этого будетъ выгода лишь десятку барышниковъ, а я останусь только въ проигрышѣ: и деньги мои потратятся зря, и сынъ мой, опора моя, ни за что ни про что ляжетъ костьми подъ Тьензиномъ... Да если и не ляжетъ, а будетъ въ строю тянуть лямку, мнѣ все равно отъ этого только одинъ вредъ — онъ оторванъ отъ работы, онъ безполезно тратитъ время. Тебѣ надо устрашать какихъ то „внѣшнихъ враговъ" войсками, тебѣ надо избивать „внутреннихъ враговъ" — т. е. меня же, непокоряющагося тебѣ въ Ростовѣ, Саратовѣ или Харьковскомъ университетѣ. Это вовсе не въ моихъ выгодахъ. Мнѣ не зачѣмъ тратить такихъ громадныхъ суммъ на войска — тебѣ ихъ легко писать на бумагѣ, мнѣ ихъ трудно добывать своимъ горбомъ. Ты тратишь огромныя деньги на жандармовъ, на полицію, на шпіоновъ; по твоему это хорошо, по моему — вредно. Твоя полиція бьетъ меня и таскаетъ ежеминутно за шиворотъ; твои жандармы не слезы мнѣ отираютъ, какъ опредѣлилъ на ихній пай императоръ Николай I, а мою 90 лѣтнюю старуху-мать заставляютъ выплакать себѣ послѣдніе глаза; твои шпіоны — они нужны только тебѣ, только тебѣ они милы и дороги, а для меня это язва и іудины братія. Мнѣ незачѣмъ тратиться на нихъ! Ты изъ государственныхъ денегъ полными пригоршнями раздаешь подачки дворянамъ и фабрикантамъ, но развѣ я для этого мозолю свои руки и тружусь безъ передышки? Мнѣ полезнѣе дать стаканъ молока своему худосочному ребенку, чѣмъ отдать тотъ грошъ, который бы я затратилъ на это молоко, — дворянину для ломтя ананаса въ бокалъ съ шампанскимъ... Ты тратишь деньги на церковныя школы, чтобы оттуда долбили мнѣ о смиреніи, терпѣніи и чинопочитаніи. Эта наука не по мнѣ—я не хочу оплачивать тотъ мышьякъ, которымъ меня травятъ, какъ крысу какую... Ты тратишь на содержаніе царскаго двора какихъ нибудь сотенъ человѣкъ, 25 милліоновъ рублей ежегодно въ то время, какъ на всю голодную Россію въ черную годину (1891 г.) было выдано тобою всего 100 милліоновъ рублей, и объ этомъ ты прожужжало всѣмъ уши... У тебя бываютъ иногда какіе то „ос-

татки“ въ нѣсколько милліоновъ рублей и тогда твой министръ говоритъ государю: „это — лишніе“, и государь ихъ кладетъ въ сокровищницу романовскаго дома, не спрашивая меня, есть ли у меня „лишніе“?...

И вотъ, когда я просматриваю эти 2 милліарда, которые тратишь ты, я вижу, что большинство расходовъ, или безполезно для меня или прямо таки вредно. Но я, впрочемъ, не знаю, много ли это 2 милліарда или мало — можетъ быть, еще больше надо тратить, но вопросъ — *куда?* Я вотъ посмотрю сейчасъ, куда ты *не* тратишь. Сколько въ Россіи безграмотныхъ ребятишекъ — ты строишь ли для нихъ школы? За исключеніемъ церковныхъ сторожекъ съ пономарями ты ничего не строишь да и другимъ (напримѣръ, земствамъ) не очень охотно разрѣшаешь строить... Ты думаешь ли о томъ, что я подъ старость лѣтъ могу очутиться на улицѣ послѣ своей трудовой жизни — ты завело пенсіи своимъ генераламъ, сидѣвшимъ на войнѣ подъ фурами, но для меня, работника, есть ли у тебя государственное страхованіе на старость и на случай всякихъ несчастій? У тебя тысячи почтальоновъ, желѣзнодорожныхъ стрѣлочниковъ и проч. на службѣ — ты какъ оплачиваешь ихъ трудъ? Срамъ сказать! Ты оказываешь ли помощь раззоряющимся мужикамъ? Помогаешь имъ еще больше раззоряться! Ты предпринимаешь ли какія нибудь работы, чтобы не оставались безъ куска хлѣба вышвырнутые на улицы съ фабрикъ во время „заминки“? Нѣтъ, ты всего этого не дѣлаешь! Да развѣ только этого?! Ты не дѣлаешь и еще многаго другого, и я совершенно зря плачу подати и повинности!

И послѣ этого ты мнѣ говоришь, что царь никому на свѣтѣ не долженъ давать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ! Ужъ не потому ли, что онъ умѣетъ брать безъ отдачи, т. е. не давая ничего взамѣнъ?! Но почему же, когда у меня печка дымитъ въ квартирѣ или торговка мнѣ хочетъ непремѣнно всунуть лежалую съ душкомъ говядину, — я могу говядины этой не брать, а съ хозяина требовать, чтобы онъ исправилъ печь — иначе съѣду съ квартиры! Почему же здѣсь я ничего не могу говорить и ничего не могу требовать? Развѣ не тѣми же деньгами я плачу? Тѣ самыя съ царскими пор-

третами и съ той же самой неполновѣсностью серебра въ двугривенныхъ! Ахъ, можетъ быть, потому, что тамъ я могу съѣхать съ одной квартиры на другую, а тутъ — я членъ все одного и того же государства? Но тѣмъ больше у меня правъ предъявлять свои требованія къ этому государству! Оно одно, не выселяться же намъ всѣмъ, милліонамъ, изъ него, если намъ кажется худо, — мы должны здѣсь, изъ этого самаго государства, разъ оно негодно, создать для себя хорошій домъ. Ты издало повелѣніе, чтобы на тѣхъ улицахъ, гдѣ существуютъ школы, не было домовъ разврата, а мы должны издать повелѣніе, чтобы въ государствахъ, гдѣ живутъ люди, не было дворцовъ разврата! Это развратъ, когда управляющіе государствомъ собираютъ подати и ничего не дѣлаютъ для народа. Это грабежъ среди бѣла дня.

Вы требуете, чтобы я безпрекословно исполнялъ ваши законы, чтобы я повиновался „власти придержащей“. Хорошо, но позвольте же мнѣ обсудить, каковы эти законы. Если мнѣ кто нибудь скажетъ „прыгай въ огонь!“ — почему я непремѣнно долженъ прыгать? Я могу и долженъ повиноваться законамъ только въ томъ случаѣ, если они дѣйствительно справедливы и клонятся къ моей пользѣ...

Но если вы пишете мнѣ въ вашихъ законахъ, что нельзя устраивать стачекъ — зачѣмъ я буду повиноваться такимъ законамъ? Это выгодно фабриканту, но не мнѣ, и не зачѣмъ мнѣ, значитъ, молиться въ чужомъ монастырѣ по чужому уставу. Въ вашемъ законѣ писано, что никакія собранія и сходки не разрѣшены, а если мы можемъ разобрать наши дѣла, какъ слѣдуетъ, только на сходкахъ и на собраніяхъ, если въ этомъ наша выгода — съ какой стати мы будемъ подчиняться вашему закону? Вашъ законъ запрещаетъ обсуждать дѣйствія царя и властей, надѣваетъ узду на слово и печать, но если намъ это вредно, если мы видимъ, что это гнусно, — съ какой же стати мы будемъ повиноваться законамъ? Вы издайте законъ о 8 часовомъ рабочемъ днѣ — и, повѣрьте, мы станемъ ему повиноваться! Вы уничтожьте закономъ жандармовъ и,—увѣряемъ васъ, мы не будемъ плакаться на это! Вы напишите въ законахъ, что печать свободна, что человѣкъ

имѣетъ право писать, дѣлать, вѣрить, какъ онъ считаетъ лучшимъ, лишь бы онъ не нарушалъ этимъ такой же свободы другого — и мы свято будемъ чтить эти законы. Ибо они намъ нужны; ибо они справедливы.

Вы думаете, что мы ихъ просимъ у васъ? О, нѣтъ, мы васъ слишкомъ хорошо знаемъ. Вы считаете себя милостивцами и благодѣтелями. Когда вы издаете какой нибудь законъ, вы пишете: „царь въ свой благости“, „царь по своей добротѣ“, „царь по своему милосердію“ и т. д. Царь благодѣтельствуетъ народу! Одинъ человѣкъ ста тридцати милліонамъ! Можно подумать, что этотъ царь какое то неземное существо, неизмѣримо высшее и неизмѣримо сильнѣйшее, чѣмъ эти несчастные 130 милліоновъ! Не надо „вашихъ милостей“. Мы *люди*, у насъ есть *права.* Они не записаны въ вашихъ законахъ, но они есть въ нашемъ сознаніи, въ нашей чести, въ нашей совѣсти.

Еще 10 минутъ тому назадъ этотъ листъ бумаги, который передо мною, былъ чистъ, а теперь онъ пестритъ буквами — я записалъ на бумагу тѣ думы, которыя уже давно выносилъ въ своей душѣ. И ваши законы — они еще чисты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надо писать о гражданахъ, но близокъ день, когда въ нихъ будутъ записаны статьи о правахъ, о свободѣ. И о правахъ мы запишемъ по нашему праву, а не по вашей милости. Вы милостивы лишь постольку,, чтобы бросать народу кости съ своихъ трапезъ, намъ надо не кости, а *все*,вы не дадите его — мы сами возьмемъ.

Кѣмъ писаны ваши законы? Одни изъ нихъ писали дворяне, устраивая для себя дармоѣдское существованіе; другіе — фабриканты, чтобы наживать себѣ непомѣрные барыши безъ препятствій съ чьей бы то ни было стороны; третьи — чиновная братья, оберегая престолъ, сидящихъ на немъ и кормящихся возлѣ него, чтобы на долгіе вѣки пировать во время чумы и ходынки, давиться сладкимъ пирогомъ въ дни голодной смерти милліоновъ, властвовать и командовать надъ стадами униженныхъ и забитыхъ рабовъ; наконецъ, есть еще и такіе законы, которые писали разные старички неизвѣстно зачѣмъ: какъ только стукнетъ сановному старичку 80 лѣтъ, сейчасъ ему назначаютъ смотръ — если онъ совсѣмъ никуда не годенъ, его выпускаютъ

на водосвятія, (какъ говорилъ русскій писатель Щедринъ) для парада во всѣхъ орденахъ и съ брилліантовой табакеркой въ рукахъ, если же старичекъ еще не совсѣмъ забывается — его сажаютъ писать законы: самое подходящее дѣло! И старички пыхтятъ и стараются — не попридержать ихъ, такъ они расходятся такъ, что не только $3^1/_2$ закона въ день, но и цѣлый десятокъ наплодятъ...

И этимъ то законамъ мы должны повиноваться? И говорятъ намъ это не въ шутку, а въ серьезъ при пушечной пальбѣ, при свистѣ розогъ, при скрипѣ дверей въ арестантскихъ камерахъ, при царскихъ „спасибо"разгулявшейся полиціи — какія тутъ шутки!

Но это еще не все: если мы даже начнемъ покоряться тому, что напечатано въ сотнѣ толстыхъ книжекъ, все равно и это не избавитъ насъ отъ расправы правительственной власти.

Во первыхъ, законы самымъ беззастѣнчивымъ образомъ лгутъ, ничуть отъ этого не краснѣя. Напр., въ ст. 45-ой 1-го тома сказано: „свобода вѣры присвояется не токмо христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ, да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога всемогущаго разными языками, по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ". Однако пусть попробуетъ полякъ указать на эту статью, когда его всячески прижимаютъ! Ему сейчасъ же скажутъ:

— Это толстая книжка законовъ. А вотъ въ тоненькой книжкѣ уставовъ пропечатано иначе — чтобы всячески стѣснять тебѣ свободу!

А если полякъ найдетъ что нибудь въ защиту себя и въ тоненькомъ уставѣ, ему сейчасъ же скажутъ:

— А ты загляни въ толстую книжку, вотъ въ такое то мѣсто!

И тамъ непремѣнно есть что нибудь о томъ, какъ стѣснить человѣка.

Во вторыхъ, на законы никакъ нельзя угодить потому, что среди нихъ есть такіе, которые конфузливо прячутся отъ посторонняго глаза. Хотя и написано въ І-омъ же томѣ, что никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, но въ томъ же томѣ есть и статья (56) о какихъ то именныхъ высочайшихъ указахъ, „под-

лежащихъ особливой тайнѣ“. Если мы съ вами не обладаемъ даромъ духовидѣнія — то откуда намъ знать этотъ законъ, облеченный въ тайну, словно Апокалипсисъ Іоанна Богослова? А знать мы должны — иначе мы же будемъ въ отвѣтѣ! Мудрено что то!

Въ третьихъ, повиновеніе законамъ изъ толстыхъ книжекъ еще не спасаетъ отъ гнѣва властей, потому что сегодня же можетъ появиться законъ, который наказываетъ тебя за вчерашнія дѣйствія, совершавшіяся тобой съ разрѣшенія закона. Въ ст. 60-ой 1-го тома говорится, что никакой законъ не имѣетъ обратной силы, т. е. онъ не можетъ наказывать за то, что совершалось до его обнародованія. Но въ той же 60 статьѣ еще говорится и вотъ что: „изъ сего общаго правила изъемлется... случай: когда въ самомъ законѣ постановлено, что сила его распростртняется и на времена, предшествовавшія его обнародованію“. Не угодно ли: стоитъ издать новый законъ и написать въ немъ: „онъ караетъ и на будущія времена, и за прошлое“ — тогда намъ придется очень плохо! То, что мы вчера дѣлали, какъ дозволенное, вдругъ стало преступленіемъ, и насъ сейчасъ же тянутъ къ отвѣту... Такимъ образомъ, нигдѣ и ни въ чемъ спасенья нѣтъ!

Затѣмъ, многіе законы противорѣчатъ другъ другу, и хорошій адвокатъ всегда выѣзжаетъ на этомъ, зная на какой законъ надо опереться для оправданія, а на какой законъ — для обвиненія въ дѣлахъ, похожихъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Знаетъ адвокатъ много сенатскихъ рѣшеній — лови сколько угодно рыбы въ мутной водѣ! Сенатскія рѣшенія — это то же, что законы, а старички — народъ трудолюбивый, написали ихъ много и все противорѣчащихъ другъ другу.

Наконецъ, благодаря разнаго рода циркулярамъ (распоряженіямъ), отъ толстыхъ книжекъ остались только рожки да ножки. Циркуляры пишетъ всякій—министры, генералъ-губернаторы, губернаторы даже становые пристава и урядники. Цѣлыя бумажныя фабрики въ Россіи держатся только тѣмъ, что поставляютъ свой товаръ на циркуляры. И давно уже чиновные волки растерзали старую бабушку (законы) и лежатъ въ ея чепцѣ подъ одѣяломъ, какъ въ сказкѣ о Красной Шапочкѣ. Въ законахъ нѣтъ, съ позволенія сказать, ни одного

не изциркуляреннаго мѣста. И такъ какъ циркуляры изъ разныхъ вѣдомствъ и отъ разныхъ лицъ противорѣчатъ другъ другу, то получается нѣчто въ родѣ столпотворенія вавилонскаго: одинъ говоритъ „жги его каналью“! а другой пишетъ „похвально“! Какому повиноваться? Когда вамъ объявятъ какой нибудь циркуляръ, попробуйте доказывать свою правоту закономъ и даже тѣмъ, что онъ писанъ старичкомъ, котораго на Пасху и Рождество пускаютъ предъ свѣтлыя очи самого царя, — вамъ сейчасъ же скажетъ урядникъ, издавшій отъ себя циркуляръ:

— Я самъ власть, отъ Бога и царя установленная! Я самъ Бога моего рабъ и царя моего отставной фельдфебель!

И вы не рады будете своему упоминанію о законѣ.

Очень мало случаевъ, когда можно опираться на законы, не боясь, что тебя спросятъ: а про циркуляръ слыхалъ? Напр., если дѣло идетъ о птицахъ, а не о людяхъ — о, тогда хорошо! Въ законахъ точно и ясно сказано, когда нельзя стрѣлять чирковъ и вальдшнеповъ, когда можно охотиться за дикими утками и дупелями и т. д. И на этотъ счетъ циркуляровъ мало! Благодать! Права птицъ не такъ скоро мѣняются, какъ права людей...

Что же въ концѣ концовъ оказывается? Въ рѣзныхъ шкафахъ съ стеклянными дверцами пылятся сотни книгъ съ самыми убогенькими законами, но даже и это убожество не дѣйствуетъ въ жизни. Словно косточка вмѣсто руки у инвалида-солдата! Въ жизни царствуетъ полный произволъ. На верху императоръ подписываетъ все новые и новые „законы“; на ступеняхъ трона сидятъ министры и еще больше пускаютъ въ оборотъ „законовъ“; за ними пыхтя и задыхаясь, спѣшатъ старички, и точно тучами саранчи, забрасываютъ насъ опять „законами“; а на низу губернаторы, становые, десятскіе — и все пишутъ, пишутъ и пишутъ... А вдобавокъ ко всему есть еще и „законы“, которые для скорости — а, можетъ быть, по безграмотности — не пишутся, а выкрикиваются земскими начальниками, околоточными надзирателями, жандармскими вахмистрами и. т. д.

И „всякое другое правленіе не только было бы вредно въ Россіи, но и въ конецъ раззорительно“!

Удивительная страна! Удивительные въ ней люди! Да кто же, наконецъ, правитъ въ этой странѣ этими людьми? Вы сами видите, что никто и въ то же самое время всѣ, начиная отъ царя въ порфирѣ и кончая сотскимъ съ оловянной бляхой... Что же это за государство такое? Это охвостье никому не потребное! Имъ помыкаетъ всякій!

Понятно, царямъ, министрамъ, становымъ, жандармамъ Россія нужна лишь, какъ дойная корова: имъ надо кормиться ею! Высосалъ свое — и будетъ, а тамъ наслѣдники, какъ хотятъ — хватитъ сметки, найдутъ и себѣ промыслить еще! Но для насъ Россія — это родина и неужели мы можемъ смотрѣть хладнокровно, когда ею распоряжаются, какъ половой тряпкой? Въ насъ должна возмущаться честь, мы должны чувствовать себя оскорбленными за нашу родину-мать, какъ чувствовали бы себя оскорбленными, если бы какой нибудь негодяй посмѣлъ обижать нашу старуху мать. Для насъ Россія — это страна, въ которой мы живемъ; мы сами тѣ Макары, на которыхъ сыплются всѣ правительственныя шишки.

Мы — люди! Мы — граждане! Мы не можемъ жить въ свиномъ хлѣвѣ, хотя бы скотниками въ немъ были и коронованные цари. Намъ нужна Россія, свободная, живущая полной гражданской жизнью. Нами помыкаетъ всякій — мы сами хотимъ управлять собой.

Да, сами. Въ иностранныхъ государствахъ давно уже существуютъ выборные отъ народа. Этимъ выборнымъ извѣстны нужды избравшихъ ихъ, и они могутъ обсуждать величину налоговъ, изданіе новыхъ законовъ, отмѣну старыхъ, размѣры солдатскаго набора — въ выгодахъ своихъ избирателей. И мы хотимъ, чтобы и у насъ были эти выборные, наши лучшіе представители, чтобы они собирались ежегодно въ столицѣ и разсматривали, какія подати платить и зачѣмъ, назначать ли налоги на чай, сахаръ, табакъ и проч. или не назначать, какіе наборы солдатскіе производить и въ какихъ размѣрахъ, какіе законы издавать и какіе отмѣнять. Намъ нужно, чтобы мы, всѣ граждане, достигшіе со-

вершеннолѣтія, выбирали свободно представителей отъ себя — т. е. намъ нужно

Всеобщее избирательное право.

Разъ — предположимъ — отъ каждыхъ 20 тысячъ населенія у насъ будетъ одинъ выборный и всѣ они будутъ ежегодно собираться въ столицѣ на

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ

для рѣшенія общегосударственныхъ дѣлъ — мы будемъ видѣть и знать, какъ рѣшаются наши дѣла: хорошо или плохо. Если нашъ представитель окажется не удовлетворяющимъ своему назначенію — мы его на слѣдующій разъ уже не выберемъ: мы выберемъ другого, болѣе подходящаго.

Чтобы каждый изъ насъ понималъ всю выгоду избранія представителей, чтобы каждый понималъ всю необходимость *служенія* власти народу, а не *хозяйствованія* надъ нимъ, чтобы каждый могъ свободно и сознательно дѣйствовать при избраніи представителей отъ народа, намъ надо:

СВОБОДУ
- личности и ея убѣжденій (религіозныхъ, политическихъ, научныхъ и иныхъ); *)
- слова,
- печати,
- собраній,
- сходокъ,
- всевозможныхъ союзовъ.

Надо, чтобы личность была неприкосновенна, чтобы она свободно могла соединяться вмѣстѣ съ другими личностями для борьбы съ своими врагами, говорить, писать, и проповѣдывать то, что считаетъ хорошимъ и справедливымъ и чтобы за это человѣка не сажали въ кутузку, не таскали по жандармскимъ управленіямъ, не налагали запрета на книги, газеты и т. д. Затѣмъ, такъ какъ мы не варвары, не кнутобойцы, а трудящіеся лю-

---

*) „Свобода личности" — т. е. право человѣку вѣрить и поступать, какъ велитъ ему совѣсть и сознаніе, а не какъ приказываетъ попъ, жандармъ, министръ и т. д.

ди, то намъ надо, чтобы всѣ національности, входящія въ составъ Россіи — евреи, поляки, финляндцы — пользовались такими же свободными правами, какими должны ползоваться и мы; чтобы національностямъ Россіи не навязывались законы и учрежденія, которые этими народами считаются вредными да и на самомъ дѣлѣ и вредны, и мерзки; мы не хотимъ и не можемъ хотѣть, чтобы именемъ русскаго народа, именемъ 100 милліоновъ, освящались гнетъ и позорное кнутобойство, которое чинитъ русское правительство надъ поляками, финляндцами и т. д. Намъ надо, чтобы въ свободной странѣ жили свободные граждане.

Царь не дастъ намъ ни всеобщаго избирательнаго права, ни свободы личности, слова, печати, собраній, сходокъ и союзовъ. Дать это для него все равно, что лечь въ могилу, т. е.этимъ самымъ онъ долженъ будетъ похоронить самодержавіе. Это для него немыслимо. Каждый изъ царей, вступая на престолъ обѣщаетъ свято хранить самодержавную власть по примѣру своихъ отцовъ и не отступаться отъ нея. Добровольно онъ не дастъ ничего — только въ сказкахъ лисица выпрыгиваетъ изъ собственной шкуры, въ дѣйствительности этого не бываетъ. Но мы должны взять сами. Онъ — одинъ; онъ, если не согласенъ на ограниченное правленіе — т. е. постановлять все не самостоятельно, а съ согласія выборныхъ отъ народа — можетъ себѣ перемѣнить квартиру, благо у него лежитъ много милліоновъ въ англійскомъ банкѣ. Насъ слишкомъ много, намъ нельзя мѣнять квартиры; намъ надо ее очистить отъ грязи.

Очищайте, товарищи! Очищайте и завоевывайте царство свободы! Только въ этомъ царствѣ свободы мы можемъ безпрепятственно бороться съ нашимъ врагомъ Капиталомъ, только, имѣя свободу, не будучи связаны по рукамъ и по ногамъ царскимъ произволомъ, мы можемъ быстрыми шагами двинуться впередъ къ царству соціализма, гдѣ вмѣсто Капитала будетъ властвовать Трудъ, вмѣсто Лжи — Правда, вмѣсто Угнетенія и Насилія — Справедливость!...

Сѣйте вокругъ себя ненависть къ царской власти. Организуйтесь. Собирайтесь тысячами на улицахъ и

площадяхъ, съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ и съ революціонными пѣснями — это будетъ для васъ подготовка къ походу и рѣшительной битвѣ, — битвѣ новаго со старымъ, битвѣ Правды съ Кривдой, Добра со Зломъ, битвѣ, въ которой побѣда будетъ непремѣнно на сторонѣ трудящихся.

